

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 24 октября 1987 г. № 127 (6383)

ЦЕНА 6 КОП.

Граждане
Советского
Союза!
Изучайте
революционное
прошлое
партии
и народа!
Свято храните
память
о славных
страницах
истории
Отечества!

ИЗ ПРИЗЫВОВ
ЦК КПСС.

Новый ход времени, начатый Великим Октябрьем, — изогнулся источником вдохновения советских художников. Эти картины созданы молодыми, они

экспонировались на недавних молодежных выставках. Могли сказать, такова традиция: поколение за поколением, вступающие в наше искусство, на-

чинают свою творческую жизнь с осознания истоков, с осознания исторического пути, пройденного отцами и дедами. Но есть тут и от-

ражение важной черты характера современников, чтобы быть полезным дню наиншенному, чтобы быть активным участником строительства грядущего, каждый из нас задумывается о самом ценном в наследии, заложенном эпохой. О

следии, заложенном эпохой. О нашем богатстве, о мировоззренческой, идеальной стойкости, о самом ценном в наследии, заложенном эпохой. О

● С. ШЕРСТЮК. Летчики первого социалистического авиаотряда.
● А. МУРАДАЛНЕВ. Новая жизнь.

Генеральной конференции ЮНЕСКО

Сердечно приветствуем представителей государств — участников Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

Гуманные цели, во имя которых создавалась ЮНЕСКО — укрепление безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки, культуры, — обретают в наше время новое значение.

международного развития особую значимость и глубокий смысл.

Советское руководство убеждено, что решение проблем, с которыми столкнулось человечество — выживания, экономической и культурной отсталости десятков стран, правильного использования интеллектуального потенциала человечества, защиты природной среды — предполагает равноправие, уваже-

ние независимости, социального и политического выбора народов, баланса интересов государства. Оно предполагает также демократизацию международных организаций, специализированных учреждений ООН, включая ЮНЕСКО.

В этом плане незаменимым звеном международных организаций гуманитарного характера — как правительственные, так и неправительствен-

ных. Они призваны утверждать в мире такую нравственную атмосферу, при которой гонка вооружений, конфронтация и нагнетание военной опасности, милитаризация общества и общественного сознания будут безусловно восприниматься как вызов мировому сообществу, самым основным современной цивилизации, как покушение на основное право человека — право на жизнь.

На достижение этой благородной цели направлены вливаемые СССР, в том числе в ЮНЕСКО, конкретные предложения о развертывании широкого международного сотрудничества в гуманитарной и интеллектуальной областях. Мы за то, чтобы эта работа велась по всем направлениям, чтобы она проводилась на языке конкретных дел, воплощалась в постановке научных и технических достижений науки и техники.

Советский Союз делал и будет делать все от него зависящее для укрепления международного авторитета ЮНЕСКО, повышения ее эффективности. Наша политика в ЮНЕСКО ориентирована на поиск реалистических, взаимоприемлемых решений на основе строгого учета интересов всех без исключения

государств — членов организации.

Желаю участникам конференции успеха в их важной работе и выражая надежду, что принятые на высшем форуме ЮНЕСКО решения будут способствовать развитию гуманитарного сотрудничества в мире в интересах всех стран и народов.

М. ГОРБАЧЕВ

ОТЧИЗНА, В ДРУЖБЕ ТЫ СИЛЬНА!

Продолжаются Дни Украины на ВДНХ СССР

Одни из членов делегации, писатель Борис Олейник сказал: «Дружба наших народов — глубокий, никогда не иссякающий родник, потому что лютят ее сыны труда Стран Советов. И независимые встречи не первые в Киевском вокзале столицы, торжественный митинг, посвященный открытию Дней, юбилейные краски экспозиций на ВДНХ СССР — еще одно тому яркое подтверждение».

Семь пословицьбских деревень республики — это деревни расцвета, трудовых испытаний и впечатляющих побед. Наиболее волниющие из этих страницы отражены на стенах выставки, посвященной Украине.

Передавая сердечный привет Москве, — сказал секретарь ЦК Компартии Республики, руководитель делегации Б. Канура, — труженики Советской Украины рады сообщить, что пришли к 70-летию Великого Октября с бескомпромиссными достижениями. Трудолюбие и настойчиво ведется перестройка управления экономикой, внедряются новые методы хозяйствования. Со следующего года не полны ходы расчета и самофинансирования будут работать предприятия и промышленники, выпускающие примерно треть всей промышленной продукции.

Первые итоги перестройки в гигантской очевидности. Тамы простираются национальной дозоды и производительности труда увеличились с начала пятилетки в 1,3, в прибыли — в 1,6 раза.

В центре нашего внимания находятся вопросы ускоренного развития социальной сферы, укрепления ее материальной базы. Уже в этой пятилетке планируется заселить жилой фонд площадью свыше 87 миллионов квадратных метров, что позволит улучшить жилищные условия более чем двадцати миллионов человек.

Отмечены положительные изменения, рожденные перестройкой, мы отчетливо сознаем, что темпы ускорения могли бы быть значительно выше. Сделано нам еще далеко не все. Почти каждое четвертое предприятие еще не выполнило договоров по поставкам, каждое шестое — заявлены по росту производительности труда, практически каждое третье — по прибыли. Не выполнены планы двадцати месяцев по зданию школ, больниц, поликлиник, профтехучилищ, клубов и домов культуры. Начало нерешенных проблем на транспорте, в агропромышленном секторе.

Среди жизненно важных задач сегодня — удовлетворение потребностей населения в продуктах питания, повышение качества товаров на-

ша нашей, советской духовности.

Д. МОТОРНЫЙ, дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени Кирова Херсонской области:

— Порядок даже по одному колосу можно судить о весомости хлебопечения в жизни каждого из 200 миллионов граждан СССР, где представлены различные национальности, — теме своего рода зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше национальное народом. Здесь на гладище убеждаешься, что стремительный рост республиканской атлетики и прогресса в спорте — это результат интеграции усилий всего нашего общества. Но, думаю, результат не kommt от нас самих, потому что будем от дна притягивать его совместными усилиями.

В районах Москвы и на ВДНХ СССР по 26 октября проходят встречи представителей делегации Украинской ССР, концерты творческих коллективов, посвященные юбилею Октября. Перед москвичами и гостями столицы выступают государственные деятели, передовики производства, ученики, представители творческой интеллигенции Украины, демонстрируются фильмы, созданные ведущими кинематографистами. Аспект обсуждаемых на этих встречах проблем и вопросов широк и разнообразен, как сама жизнь и труд республики.

О. ГУСЕВ.
(Соб. корр. газеты по Украинской ССР).

• Александра Народных музыкальных Дома культуры холода и имени 40-летия Октября Ивано-Франковской области.

Фото А. Сизутина.

Сегодня, когда отмечается День ОН, отмечается глобальная антиядовская акция сторонников мира различных стран, получившая название «Волна мира». Она начинается в Хирошиме в полдень и распространяется вправо на Азию, влево — на Европу, вниз — на Африку, вверх — на Северную Америку. Запад — по всем параллелям и через все меридианы. Так практически будет осуществлена советско-американская инициатива, выдвинутая в начале этого года Томом Вентурами, президентом ЮНЕСКО, — запрещение ядерного оружия.

Однажды раз — по числу часов поясов — будет передана символическая эстафета мира в нашу страну. А затем она пойдет вперед, пересекая границы Родины, как призыва и друзей и сотрудничества между народами.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведении «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корреспонденты рассказывают о готовности ряда краев, областей и республик и проведения «Волны мира».

На проводе — Дальний Восток. Сообщает наш корреспондент М. Поборчук:

— Жители земли у окна в эти дни отмечают 65-летие освобождения края от интервентов и белогвардейцев, поэтому антиовечный национальный дух зерна зернограда, — кроется в том, что наше общество, наше государство, наше народом.

Наши корр

Так получилось: рожденная моей статьей «Наука об искусстве: сигнал тревоги» дискуссия расширилась на весь год и еще не закончена (да и вряд ли она закончится в ближайшее время), но она стала лишь частью много более обширной дискуссии о роли и значении вообще всей исторической науки в духовном мире советского общества в условиях пронходящей революционной перестройки человеческого сознания. Начиная с замечательной, глубокой и мудрой статьи Ю. Афанасьева, ректора Государственного историко-архивного института («С позиций правды и реализма», «Советская культура», 21 марта 1987 года), эта общая дискуссия о месте реально existing истории в сознании современного человека приобрела особенно принципиальный и обостренный характер: безжалостно обнажая все изысканные неподвижно «стоящиеся» исторической науки, все ее вольные или умыслившие заблуждения, в самом количестве накопившиеся в последние десятилетия, и,尤其是 особенно в те 20 лет до 1985 года, которые стали называться «эпохой застоя». Статья «Наука об искусстве: сигнал тревоги» попала в русло общей дискуссии.

Эта статья была ограничена рамками моей специальности — истории изобразительных искусств, старой и современной мировой живописи, скульптуры, графики — и написана была, как мне кажется, очень сдержанно, ее можно было написать во много раз резче. Сразу оказалось, что ровно такое же состояние сломкалось и в других науках, самых разных, и не только гуманитарных, но и точных. Поэтому статья получила неожиданный широкий отклик и поддержку. Подсчитывать количество согласных со мной людей было довольно мудрено, когда пришло слышать по телефону речь архе: «Примите полную поддержку нашего института, нас 175 человек! Письма и телеграммы стали приходить со всех концов Советского Союза — от Риги до Душанбе. Дело было не в каком-то моем сенсационном открытии, а в изложенных весьма прозаических реальных фактах, до поры до времени тщательно скрывавшихся от посторонних взоров. «Советская культура» поступила совершенно правильно, приведя такую широкую известность недопустимо тяжелому состоянию одной из важнейших гуманитарных наук, и за это глубоко благодарил редакции газеты. И благодаря таким всем, кто поддержал меня печатию, как в «Советской культуре», так и в других газетах и журналах.

Относиться к истории как к чему-то отжившему, исчезнувшему, что можно забыть, чего можно не знать, могут только невежественные обычайщики или чиновники, интересующиеся

Свет знания и тень застоя

Еще раз о ситуации в нашем искусствоведении

только своей карьерой и личным стажем, — они действительно вполне могут обойтись без исторического прошлого и без понимания того, как сложилось наше, вышедшее время. Но все подлинно величие, благородное, героническое, чего достаточно много было в истории человечества, не умирает и не может умереть, оно живет в уме и сердце всех издающих чередой поколений. Без знания и перевивания такого прошлого не может быть никакой осмысленной современной жизни. К истории искусства и литературы это относится в огромной степени. Невозможно представить себе культурного и разумного человека наших дней, который мог бы существовать без «Дона Кихота», без «Девятой симфонии», без «Евгения Онегина», без эйзенштейновского «Ивана Грозного» и «Броненосца». Поэтому разговоры об «устарелости» и «ненужности» нашему времени истории искусства как науки — науки, обеспечивающей глубокое знание и достижение великого наследия мировой художественной культуры, — можно счесть лишь позорным проявлением крайней мудрости и душевной склонности.

Допускать, чтобы история искусств, как и всякая другая историческая наука, приходила в запустение, оказывалась на грани выродения из-за прекращения непрерывного притока новых научных сил, из-за терпящей борьбиноческой рутиной, из-за полного равнодушия всяких мелких и крупных «начальств», всех чинов и знати, нелзя. Наука об искусстве, как и всякая другая настоящая наука, не терпит трусливого консерватизма мышления, не терпит невежества и легкомыслия, не терпит никакого догматизма и ученой холостяцкости. Тому, кто не может или не желает это понять, следует уходить подальше от подлинной науки, поискать себе более подходящую профессию.

Признаться, я не ожидал встретить полное несогласие с моей статьей, подписанное именем глубоко почтенного моей академика Б. Пинтровского, директора Государственного Эрмитажа. Наоборот, ничего неожиданного не оказалось в ответных статьях двух искусствоведческих институтов, находящихся в Москве.

Эти ответы могли изобразить некое подобие побоищного спора со мной лишь с помощью сплошного передергивания и старательного извращения смысла моих суждений. Но я, пожалуй, должен был бы выразить признательность своим оппонентам, так как будто бы опровергающие меня статьи не опровергли ни одного из приведенных мной реальных фактов и моих общих рассуждений.

Выход из этого посуждения на полемику получается непреложным и ясен. Оба института продемонстрировали свое полное нежелание единицами от директоров уединенным комитетам. Я не могу осуждать сотрудников института, так как хорошо их понимаю. Слишком гордо обходитесь борьба: мне ведь в конечном счете в результате яростной трапезы, учившей после публикации моей статьи дирекцией института, пришла убыток — после тридцати лет работы в институте и двадцати лет заведования сектором классического искусства Запада. Я ушел в только что прошедшем сентябре, после довольно долгих попыток выдержать свою роль мне обстановку.

Я убедился, что моя полемика с людьми,

существующую в институте, — молчат, возможно, обсуждают положение дел по отдельным от дирекции уединенным комитетам. Я не могу осуждать сотрудников института, так как хорошо их понимаю. Слишком гордо обходитесь борьба: мне ведь в конечном счете в результате яростной трапезы, учившей после публикации моей статьи дирекцией института, пришла убыток — после тридцати лет работы в институте и двадцати лет заведования сектором классического искусства Запада. Я ушел в только что прошедшем сентябре, после довольно долгих попыток выдержать свою роль мне обстановку.

Я убедился, что моя полемика с людьми, твердо стоящими на позициях убежденного консерватизма (а очень деликатно называемого умонастроением) и бюрократизма, в пределах института шансов на победу не имеет. Слагать оружие и не сбрасывать, но очень хотел бы, чтобы вынужденным состоянием когда-то прекрасного Института истории искусств Академии наук СССР, основанным академиком И. Грабаем, поинтересовался кто-нибудь, кроме меня.

Таким образом, оба института исключили себя из каких-либо мер по перестройке, обновлению, даже срочной реанимации настойчивой науки об искусстве. Что же, советским ученым, историкам искусства и художественным критикам, сосредоточенным в Союзе художников СССР и в творческих союзах Москвы, Ленинграда и всех республик, где имеются такие ученыe критики. Этот научный совет должен будет заняться не только помнущими мной важнейшими делами, но и другими, не менее важными. Он мог бы, например, по-разному организовать такое небывалое, видинное и неслыханное дело, как публичное обсуждение и компетентное рецензирование выходящей научной литературы по искусству. За последние двадцать лет даже о возможности существования такой элементарной практики у нас забыли. Лишь редчайшие книги, случайно выкаченные (как правило, по злым научным причинам), удостаиваются рецензии, но в рецензиях слишком часто писались настолько несводимыми людьми, что лучше бы этих рецензий вовсе не было.

Научный совет Союза художников СССР имел бы все основания стать наиболее влиятельной и авторитетной организацией в сфере изобразительных искусств и их достойного изучения. Этот научный совет должен быть, конечно, привлечь к своей работе тех серьезных и больших учёных, которые ныне работают в двух московских искусствоведческих институтах.

Чтобы каждый был заслуживающим внимания, нужно пересмотреть педагогическую практику университетов и институтов, где преподаётся история искусства, постаравшись облегчить попытки построения новых схем «с потолка». Нужно пересмотреть педагогическую практику университетов и институтов, где преподаётся история искусства, постаравшись облегчить попытки построения новых схем «с потолка».

Правление Союза художников СССР было бы полезно создать подлинно авторитетный научный совет из не слишком большого числа наиболее талантливых и широко образованных учёных и художественных критиков Москвы, Ленинграда и всех республик, где имеются такие учёные критики. Этот научный совет должен будет заниматься не только помнущими мной важнейшими делами, но и другими, не менее важными. Он мог бы, например, по-разному организовать такое небывалое, видинное и неслыханное дело, как публичное обсуждение и компетентное рецензирование выходящей научной литературы по искусству. За последние двадцать лет даже о возможности существования такой элементарной практики у нас забыли. Лишь редчайшие книги, случайно выкаченные (как правило, по злым научным причинам), удостаиваются рецензии, но в рецензиях слишком часто писались настолько несводимыми людьми, что лучше бы этих рецензий вовсе не было.

Научный совет Союза художников СССР имел бы все основания стать наиболее влиятельной и авторитетной организацией в сфере изобразительных искусств и их достойного изучения. Этот научный совет должен быть, конечно, привлечь к своей работе тех серьезных и больших учёных, которые ныне работают в двух московских искусствоведческих институтах.

Чтобы каждый был заслуживающим внимания, нужно пересмотреть педагогическую практику университетов и институтов, где преподаётся история искусства, постаравшись облегчить попытки построения новых схем «с потолка».

А. ЧЕГОДАЕВ,
доктор искусствоведения, профессор.

МУЗЫКА, ТЕАТР, ЖИВОПИСЬ, БАЛЕТ

ческая Россия, «Писатели о творчестве». В новом, 1988 году издательство приступает к выпуску 15-томной «Библиотеки русского фольклора». Подобное издание произведений русского народного творчества предпринимается впервые.

Заглавное место в планах «Советской России» занимают и художественные альбомы, открытки. Сейчас недавно было выпущено богато иллюстрированное альбом «Литературные места России». Скоро читатели смогут познакомиться с таким интереснейшим альбомом, как «Живопись и графика русских писателей», где будет представлена изобразительное творчество русских писателей, начиная с Симеона Полоцкого и кончая А. Блоком, В. Маяковским, В. Хлебниковым. Готовится издание и цветного альбома «Декабристы и Сибирь» с репродукциями живописи Н. Весткугена, портретов декабристов, их жен, последовавших за мужьями в ссылку.

Заглавное место в планах «Советской России» занимают и художественные альбомы, открытки. Сейчас недавно было выпущено богато иллюстрированное альбом «Литературные места России». Скоро читатели смогут познакомиться с таким интереснейшим альбомом, как «Живопись и графика русских писателей», начиная с Симеона Полоцкого и кончая А. Блоком, В. Маяковским, В. Хлебниковым. Готовится издание и цветного альбома «Декабристы и Сибирь» с репродукциями живописи Н. Весткугена, портретов декабристов, их жен, последовавших за мужьями в ссылку.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

На прошедшей неделе в Москве Международной книжной ярмарке-форуме изданье «Альбом «Декабристы и Сибирь» готово для представления перед публикой. На ярмарке впервые представлена передача цикла, посвященного импровизации. Увлекательный диалог с всегда неожиданным Родионом Щедриным, фрагменты его «серебряных» импровизаций в коллективном музыкализации с известными американскими лингвистами (Чик Кориа, Пол Гулда), передавшие импровизацию в прозаических произведениях «Рассказы ощущения», «Азалии путника», «Человек, ли он?», «Владимир», «Нескончайко мартин», или «Случай из жизни разбойника» и другие.

В этом году Белорусская государственная филармония отметит свое пятидесятилетие. Среди лучших коллективов, развивающих славные традиции советского эстрадного искусства, в ансамбль «Весны», которым руководит Василий Раневский. С георгийским белорусским музыкантами познакомились жители многих городов нашей страны, а также ряда зарубежных государств.

• Василий Раневский (в центре) и молодые солисты ансамбля Юлия Скородок и Сергей Ренчук.

И вновь зашумят деревья

С понятным волнением впервыеступил я на землю Пушкиногорья. Вот он, канюк, кипучий, узкий, приоткрытый, трудов и вдохновений... И все же радость первого сидения не смогла заслонить сяди разыгрывающейся здесь трагедии...

Давно не выдавалось подобного лята по псевдосоветской земле. Весь май, июнь, июль проплыли дождями. От сырости деревья покрылись корой и пlesenью, быстро стерли гниль прошли строений, мостиков, оград. Но самое большое испытание выпало в ночь с 6 на 7 августа, когда из Пушкиногорья обрушился дикий, сокрушавший почвы сутки. То тут, то там невинная сила с горем вырывала из земли деревья, другие ломала, словно стекла. За мгновение коверкала постройки, разрушала музейные беды. В двери не могли суток ни на минуту не прекращаться ливни. Все, что окружало заповедник, превратилось в неизбранные водное пространство. Лишь 10 августа затихла стихия, обнажив страшную картину катастрофы.

Особенно пострадали от драмы знаменитые парки. Тылько около трех тысяч деревьев, срезанных под новые сады, не стало более двадцати подобных деревьев. Смерч убил в Михайловском одну из лиственных аллеи. В воде маленький «пурпур» поднялся на поверхность, разрушил музейные беды. В двери не могли суток ни на минуту не прекращаться ливни. Все, что окружало заповедник, превратилось в неизбранные водное пространство. Лишь 10 августа затихла стихия, обнажив страшную картину катастрофы.

Сразу же появился из Пушкиногорья писатель Юрий Гайдуков.

Джаз над Саянами

На четыре дня Абакан, горы у подножия Саянского горного диабазового столбчатой страны, в первых числах октября над стоящими диабазовыми музейными из многих городов, среди которых столицы Хакасии оказались лауреаты всесоюзных и международных фестивалей, преподаватели эстрадно-диабазовых дисциплин в музыкальных учебных заведениях, музиканты.

Выступления джазового коллектива из Абакана, представившего на суд слушателей новую композицию А. Куща «Мед-

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР «НАС РАССУДИТ ВРЕМЯ»

Карен Шахназаров:

До появления фильма «Курьер» имя Карена Шахназарова связывалось прежде всего с музыкальными комедиями в стиле «кертрэ», с поющими и танцующими персонажами. Семнадцатилетний герой новой картины режиссера тоже спел нам с экрана, но не что-нибудь, а «Соловью» Алябьева, но симпатии зрителей этот занятный паренек завоевал не своей музыкальностью, а достоверностью. Казалось, Иван пришел на экран прямо с московской улицы со всеми непридуманными заботами и проблемами своих сверстников. «Курьер» принес постановщику и несколько фестивальных наград, самую почетную из которых оказался Специальный приз XV Московского международного кинофестиваля. С разговором об этой награде и началась наша беседа с режиссером:

Что его новая работа заслужит такие почести.

— Мне вообще очень трудно оценивать свой собственный труд, в том более его соответствие фестивальным наградам. Когда я делал картину, то, конечно, не думал о призах, хотя знаю, что некоторые мои коллеги считают фильм в расчете на конкретную аудиторию, на конкретные вкусы и, если хотите, конкретную моду. Я не пытал никаких иллюзий перед московским форумом, понимая, что соревнование со «звездами» мировой величины не обещает мне никаких радужных перспектив. К тому же мне хорошо была известна позиция наших кинематографистов — ни в коем случае не противостоять эротичности в кино, мне настолько бесполезны. Ведь споры, как правило, сводятся к тому, что каждый автор пытается доказать, будто именно он создает искусство. А доказать это нельзя, во всяком случае сегодня. Только время все расскажет по местам. Недаром все главные оценки фильмов дают все-таки не критика, не престижные фестивали и не сегодняшний прокат. Кино, как и всякое искусство, по-настоящему оценивается только временем.

Я понимаю, конечно, что за профессиональными спорами кинематографистов стоят и другие, не групповые интересы. И это вполне понятно. Столкновения разных мнений и пристрастий в искусстве были и будут. Лишь бы только споры не мешали художникам работать, не создавали никому препятствий. Главное — не опускаться до вранья, ууванять своих коллег. Сегодня все вроде бы поняли, что кинематограф может и должен быть разным, так, значит, и мнения, создающие его люди тоже могут и должны быть неподхожими. Этого мало. И зритель тоже должен приывать, что в многообразии разноманьионом кинематографе он может найти то, что особенно близко ему по духу, по мировосприятию, на которое подходит его настроение.

— Карен Георгиевич, в нем вы объясняете также расходжение во мнениях профессионалов на Всесоюзном кинофестивале «Молодые кинематографисты» и «Мосфильм». Кто из них лучше?

— Против «Курьера», то несомненная награда против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

— Мне кажется, что оба советских представителя в икоре, насколько я знаю, честно проголосовали против «Курьера», то несомненная награда

ЛЕТО. Волга упругой маслянистой волной стелет свои воды. Бескрайний простор. Тишина...

«Ко-о-озы! Ку-у-зя!» Голос катится вниз по откосу, по душистому ковру травы, прыгает через черемуховые заросли и рассыпается на листьях у самой реки. Нет Кузьмы. А поздно уже — солнце ушло, укатилось рыхим облаком за скаты крыши, темн смешались, река потемнела и как будто приблизилась к нам, сужились берега, воды вспустили, запахи далеких костров потекли струйками над огородами, птицы промолкли, угомонились, только тихое журчание коли на лугу разражает эту напряженность тишины — благодать покоя разлилась в теплом предвечернем воздухе.

Где Кузьма? Да вот он, в траве, притих, замер, не шелохнется. Голубые глаза его не мигнут, уставились в одну точку. Только дрожит подрагивает соломинка — стебелек полынья в избах. Замер, притих, не слышит ничего...

Это Хвалынский, город заштатный, хлебный, волжский. Год 1888-й.

Спустя четыре десятилетия большой русский художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин написал эти строки в своей автобиографической книге «Хлыновск. Моя повесть» (Хлыновским он называл Хвалынск): «Здесь я на ощупь, вплотную научился понимать законы роста и цветения растений, прихоти развертывающейся розы, и готовую к лопанию почку, и борьбу с земляными условиями почки капусты».

И здесь я получил ощущения цветовых спектров, в переливах и перекличках между кровавыми бегониями, нежными левкоями и цветами аистовых глазок.

Здесь, любовью человека поощренный, разлагалась во всех изюбах солнечный спектр в лепестках, венчиках и шапочках цветов и вспыхивал пурпуром, синевой и золотом на кору-ном, сложном, зеленом цвете листьев.

В этих искренних немудреных строках раскрылась природа творческого дара замечательного русского художника, унаследованного от далеких предков не только тайны «древнего обычая» — иконописи, но и неизъятую любовь к родной небрской природе, и способность учиться у нее, способность, которая знайдется на любви.

Мастера-самоучки, обладатели этих самых секретов «древнего обычая», именовавшие сами себя ибреями и гордо богомазами, были первыми учителями Петрова-Водкина. Потом были Самара с классами живописи и рисования, и петербургское художественно-промышленное училище Штиглица, и знаменитые своим выпускающимися Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где в те годы преподавал Валентин Александрович Серов. Но не менее знамениты — конечно, в будущем — имена соучеников юного Петрова-Водкина по Московскому училищу: Это Мартирос Сарьян и Павел Кузнецков.

НО ВСЕ это — потом. А пока — «я радовался, не зна и не умея еще искать различий в действиях искусства, в действиях вещей, не природой, а человеком сделанных». А пока — первые радости воспроизведения окружавшего мира на плоскости бумажного листа. И бесконечные, долгими знамины вечерами рассказы матери, ее голос — родной, успокаивающий, развеянный, — он часами слушал ее рассказы и вспоминал под моро льюющую, ласковую речь.

Родные по линии матери были крепостными в Тульской губернии, и рассказы о крепостной жизни, до предела реалистичные, наполненные легендами души историами, крепко запомнились Кузьме. Спустя много лет он вспоминал эти материнские свидетельства: «...замигало сердце. Перед нами развертывались дикие, грязные взаимоотношения людей между собой. Безнаказанные мучители, беззащитные жертвы, четко разграниченные, взывали вас на мщение и на помощь страдающим... От человека страдали и деревья и животные, но и сам человек был искол и беспомощен в рассказах матери. Выходила мать не искала...»

И позже — другое наблюдение, другое признание: «...эти образы — они были для меня школой по восприятию резко колеблющихся эмоций. Это меня делало первым, но это же и разливало во мне остроту восприятия и разную наблюдалительность». Эти бесценные свойства будущего художника, так не похожий на кого-либо из своих современников, напрямую унаследовал от матери — простой крестьянки. Но читаем дальше: «Мать — так же остро, поселяя в них человеческие переживания, относилась к пейзажу, растениям и особенностям животных, космос для нее был единим целым, огромным бьющимся человеческим сердцем внутри него, и здесь у нее был какой-то особенный верный подход, уничтожающий границу между жизнями».

О Петрове-Водкине можно сказать, что это художник, принадлежащий к нам из детства. Хотя труда и терпения была дорога, которую прошел он сквозь гнетущие времена политической реакции и гибельных для искусства демократических эпидемий, но никогда, ни в чем не покорился душой. К жизни и к делу он относился с большой серьезностью, задачи перед собой как художником ставил совсем непростые. Ему пришлось преодолевать ложь патриархальных установлений провинциального мещанства — с одной стороны, и плавильную, разлагающую моду расплененного салонного искусства, и через соблазны «свободы творчества», которую предлагали многочисленные модернистские течения, способные сбить с толку и разрушить талант и более зрелого мастера.

Жизнь не баловала юного Петрова-Водкина. Стала причиной во языках непривычной и его давлением И. Е. Репин. В основе ее было недоразумение. Посетив в 1910 году выставку и увидев символическое произведение молодого художника, и рядом — две футуристические картины, особенно возмущившие его, и привнесав их по случайности тому же Петрову-Водкину, он в сердцах обозвал его «декадентом». Привыкшие суда удивительной предвзятостью художественной критики. Она не увидела подлинного масштаба таланта художника, тонального, искаженного русского, и продолжала по инерции исходить в его работах мистицизм, даже «фовизм», возвращавший моду во Франции.

Критика была не права. Конечно, становление молодого художника совпало с годами неустойчивости в искусстве, когда люди, сбитые с толку умствованием новейших философов, заблуждались «теоретиками искусств», получали крайние искаженные представления о предмете и предназначении искусства, погружаясь в коварную, «ласкающую» жуть неопределенности. И это сказалось на творческом пути Петрова-Водкина. Естественные в ту пору побуждения и шарахания не обошли стороной и его. Но сегодня, сопоставляя в ретроспективе все

созданное им, мы видим, что художник креп духом к полотну к полотну, и, презрев честный и мужественный, он трезво оценивал характер свершеннего и не уставал искать путей освоения стремительно изменяющегося действительности, тем более что его художественное выражение еще с начала века уже будоражило предчувствие грядущих перемен.

В 1912 ГОДУ он написал полотно, сразу вынесшее художника к самой широкой известности. — «Купание красного коня». Полотно изумило и озадачило и публику, и ценителей-специалистов. Пожалуй, и сегодня это самая «зашифрованная» из картин Петрова-Водкина. Что значит этот огромный, ярко-красный быт-тижелое, этот балыкий конь, которым приват юноша, почти мальчик по сравнению с конем. — щуплый, бледный лицом и телом? Какая-то загадка ощущается во всем стое картине, ее парадоксальные взаимодействия, в ее подчеркнутой противоречивости. Символичность полотна угадывается, но она держит зрителя в напряжении: отгадки не предложены.

К тому времени привычные становились в художественной среде модернистские исплески творчества, символистская многозначительность, нарочитая экспрессивность. Но в этой картине все противоречиво и этим новейшим направлением. Как бы там ни было, картина всегда производила и производит впечатление чего-то значительного, волновала ощущением многогранности содержания, неясного до конца.

Кузьма Петров- Водкин. Жизнь и творчество

- «Купание красного коня».
- «Автопортрет».
- «Девушки на Волге».
- «Смерть комиссара».
- «1918 год в Петрограде».

ПРОВОЗВЕСТИЕ

ца, сдержанной страстью, той эмоциональной духовностью, которая всегда составляла тайну древнерусской живописи и которой очень дорожила Петров-Водкин.

Безликая приятельская сила этого полотна — самого известного у Петрова-Водкина, самого популярного. Судьба «Красного коня» так уж сложилась. И в грядущие десятилетия, думается, так же будет «прелестно смущать» души таинственный и великий красный конь, поглядывающий на людей своим вешием, вспоминающим и тревожным оном, поселяя в них высокое волнение и светлую грусть.

«Купание красного коня» завершило период, начатый «Сном» и «Мальчиками». Первый, пе-роломый в творческом самосознании художника. «Сон» был единодушно всеми отвергнут. «Конь», наоборот, почти всеми воспринято и принят, но истолкован по-разному. Эти красноти не выражали, конечно, сути происходивших в сознании и душе художника переоценок. Совершился продуманный, глубоко прочувствованный поворот к подлинно реалистическому решению избранных тем. Одновременно формировалось стремление философски осознать красоту жизни, ее смысл. И это побуждало художника глубоко исследовать великие творения несравненных мастеров Возрождения.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

Поник Петров-Водкин затрагнул не одну лишь мирозданческую сферу. Не менее национальными и целеустремленными были искания в области формы и цвета, по мысли художника наиболее существенных в живописи. Но все-таки на первое место выдвигались размышления более общего порядка. О роли искусства, прежде всего живописи, в исторической жизни народа, о возможностях и правомерности сотворения картин с реальностью, с правдой жизни.

О ВРЕМЕНИ И ОКТЯБРЕ

СССР—США: выход один — сосуществование

Этот материя входит в книгу «День мира», подготовленную к выходу в свет агентством печати «Новости».

ЗАДУМАЕМСЯ, что увлекло бы мысли и письма Максима Горького, если бы он взялся сегодня писать о нашем времени. Думают, не последнее место в его размышлении занимали бы существующие отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки... Особенно в этом году. Третий выпуск «Дня мира» — первоначальной идеи М. Горького — не единственный повод для этого. Вскоре исполнится сорок лет со дня первого, хотя не всегда дружеского сосуществования между нашими двумя величайшими государствами. Мы научили нас эти годы, что лучше сказать сами себе и друг другу по этому случаю?

Первое, наиболее очевидное, о чём часто забывают, но о чём необходимо сказать, — это то, что мы можем выжить только вместе. Капитализм, или то, что с ним стало, и социализм, как он разился и сорвал, способны, как показал 70-летний опыт, сосуществовать друг с другом. И мы просто сосуществовать, но и быть союзниками, как это было в 1941—1945 годах, когда две наши страны боролись против Гитлера и фашизма. Ногти представители моего поколения в Соединенных Штатах остались живы во многом благодаря самоизвержению советских мужчин, женщин и детей, вставших на пути нацистов. Моя сорокалетия и я не забыли этого.

Сегодняшний день побуждает нас задуматься не только о том, как долго мы сосуществуем, но и о том, что сосуществование не является единственно возможным. Как капитализм, так и социализм в современном этапе представляют собой весьма сложные и разветвленные структурные системы. Но ни та, ни другая не уцелевают при обильных ударах. И даже самый страстный идеолог не сумеет отличить падение социализма от падения капитализма, да и сам не останется в живых.

Есть и еще два истины, над которыми стоит поразмыслять в канун 70-летия Октябрьской революции. Одна из них состоит в том, что в Соединенных Штатах, ни Советский Союз не намерены отказываться от существующей

в настоящем время в этих странах экономической, социальной и политической системы. Нет признаков ни социалистической революции в США, ни капиталистической контрреволюции в СССР. Ни одна из двух систем не является пока совершенной. Но ни в одной из стран не действуют враждебные системы настроений или сил. Опыт учит, что всем нам следует примириться с исторической неизбежностью. Ну а небольшая награда за это нам было бы изменение тоне наших высказываний друг с другом. Наши ораторы перестали бы пытались толковать советским людям о порядках кругой советской системы, но и советские представители не говорили, что передышка на немецком пути к мировой революции у нас никаким затянулась.

Даже если нам не нравится то, что происходит где-то, мы должны признать, что пытаются изменить это в духе политики смысла и даже пытаться. Одни из главных уроков последних 70 лет и особенно периода после второй мировой войны — это решимость всех народов, больших и малых без исключения, избавиться от экономического и политического познания, не говоря уже об управлении нации. Нам пришлося испытать это не собственным опытом в Латинской Америке, но в Ближнем Востоке, в частности в Иране, и, к сожалению, во Вьетнаме. Думается, Советскому Союзу пришлося столкнуться с тем же в Северной Африке и в той же Азии. Нужно признать и тот факт, что наш опыт наставления своей системы другим странам отнюдь не привел успехов.

Как великий гуманист Максим Горький насторожил бы хотел, чтобы наше 70-летнее сосуществование продолжалось. Он бы хотел, я думаю, большую корректность в наших дальнейших диалогах. Он признал бы и то, что военная мощь в наше время не является, как прежде, ответом на международную напряженность, но что международная напряженность поставлена на службу военной мощи.

Джон Кеннет ГЭЛБРЭЙТ,
экономист (США).

С большим интересом прошли в Болгарии выступления балетной труппы Ленинградского театра С. М. Кирова. Гости с берегов Невы показали спектакль «Броненосец «Потемкин» на музыку А. Чайковского в постановке главного балетмейстера театра О. Биноградова.

Фото: ТАСС

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

МЕЖДУ НАМИ, БРАТЬЯМИ, ГОВОРЯ...

РАЗБРОД в художественных сферах, из которого пришлось выходить после кризиса, был куда как живописным. В самом деле, можно ли совместить на одном холсте всю панораму несочетаемых постулатов: от предположений в уставе творческого союза как обязательный пункт приверженности и методу социалистического реализма и до требований узаконенной практики согласования социальных заказов государства с костяльными властями как извращательства государства в издательскую политику? И это еще цветочки, а были ведь и прямые посягательства на королику власти...

Избранные партией на том еще этапе стратегии борьбы и согласия оказались, как подтвердило время, оптимальным вариантом утилитарной линии как средство преодоления кризиса. Однако сама жизнь придала ей характер общественной закономерности, которая продиктовала, в частности, кардинальные замысловатые меры демократизации всех сфер жизни страны. Опять-таки становятся реально возможным полем для заявленной стратегии, мы не спрашиваем — откуда ты пришел...

И вот в качестве вывода из этого реалий — вопрос. Вопрос самому себе, и самим себе, и польским соратникам, да не сочтут они его нововыходом. Могла ли такая куда как разумная органически присущая стратегии родиться и утвердиться гораздо раньше, я, значит, не стала красной ценой? И снова в налаженное на понимание и какое мое собственное убеждение: да, могла бы больше того, должна была родиться и утвердиться. Потому что и сам кризис, и особенно в духовных сферах, он и породил бы прежде всего отсутствие подобной стратегии, впрочем, отсутствие такой стратегии вообще, если говорить о тогдашнем руководстве страны. Ведь, скажем, отношения с этой же художественной интеллигенцией, этой могущественной и обособленной ферментом общественного брожения, в то время складывались, прямо скажем, некрасиво. Одно крупное партийное рабочее уже имеющегося склада определяло как подмену подлинной идеологической работы в этой сфере фантазии с творческой интеллигенцией. Но есть с ней загрязнения, пытались в миру сажающими, в меру допускать, виновниками которых загрязняли назревавшие уже тогда узлы противоречий, в то и конфронтации. Не в целом всерез и не винчили

но в целом всерез и не винчили

СЕКРЕТЫ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

Последняя диверсия Уильяма Кейси

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ только что вышли из печати, сразу превратившись в бестселлер, книга Боба Будворда «Пленен: секретные войны ЦРУ, 1981—1987 гг.». Её автор известен тем, что вместе со своим коллегой из «Вашингтон пост» Карлом Бернштейном начал кампанию разоблачений, связанных со скандалом «Уотергейт». Главный герой новой книги — Уильям Кейси, директор Центрального разведывательного управления США. Будворд пишет, что бесседовал с ним около четырех десятков раз, что их последняя встреча состоялась в больнице за несколько дней до смерти Кейси, когда тот уже не мог говорить. Однако Кейси утверждал, что в ответ на вопрос журналиста, знал ли он Кейси, Кейси кинул утверждение в ответ на вопрос журналиста, знал ли он Кейси, что деньги от продажи оружия Ирану идут никерагуанским контрактам.

Знаменитый журналист в tandemе с главой шпионажного ведомства — беспроигрышные слагаемые успеха «Пленен». Барнс, спросив на эту книгу Спрос есть, и это понятно: люди хотят знать, чем занимается ЦРУ, каков его роль в выработке американской политики, в том числе в отношении СССР. Уильям Кейси служил в армии, был адвокатом в ответе на вопрос журналиста, знал ли он Кейси, что деньги от продажи оружия Ирану идут никерагуанским контрактам, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Американцы всегда удивлялись в ЦРУ, что ведомство не имело никаких подразделений в ЦРУ, кроме как в ЦРУ, что в ЦРУ занимается только сбором секретных данных, чтобы знать о них правительство, которое и принимает политическое решение. На самом деле данные эти собирались для того, чтобы проводить тайные операции — свергать правительства, убивать неугодных лидеров, организовывать заговоры. ЦРУ, таким образом, само начеку и осмотрительно. Америк

